

УДК 821.161.1-31

Е.И. Метоледи

ФОРМЫ ИНТЕРТЕКСТА РОМАНА «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ» М.Ю. ЛЕРМОНТОВА В РОМАНЕ В.К. КАНТОРА «КРЕПОСТЬ»

Имя Владимира Карловича Кантора, хорошо знакомое философам и литературоведам, в 2005 г. включено журналом «Le Nouvel Observateur» в число 25-ти крупнейших мыслителей современности. Художественные и литературно-критические произведения писателя, его философские труды неоднократно становились объектом внимания критиков, по общему признанию которых он является законным продолжателем творчества Ф.М. Достоевского и Вл.С. Соловьева. Однако в научный оборот его наследие по сей день так и не введено. Роман в «Крепость» В.К. Кантора занимает важное место в творческом наследии писателя, выступая своеобразной квинтэссенцией философских и литературных идей, затрагивая темы, являющиеся сквозными в его творчестве. По сей день реакция на это произведение ограничивается лишь несколькими рецензиями (Е. Андрущенко [1], М. Загидулина [9], М. Ремизова [13]), между тем связь текста романа «Крепость» и всевозможных намеков, отсылок, аллюзий, то есть внетекстовых элементов, многогранна и требует специального исследовательского внимания. В богатый полифонический мир романа вводят, в первую очередь, его эпитафы из произведений А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, А.Н. Радищева и др.

Сама вариативность использования автором эпитафа делает его присутствие особо значимым. В современных научных исследованиях описание эпитафа представлено в нескольких аспектах. Эпитаф рассматривается в качестве отдельной композиционной части текста, взаимодействующей с другими его элементами (И.В. Арнольд [1], В.В. Виноградов [5], И.Г. Гальперин [7], Н.А. Кожина [10], В.Б. Шкловский [14]). Такой способ описания позволяет выявить такие существенные свойства эпитафа, как автосемантия,

графическая маркированность, двойственность, проспективно-ретроспективная ориентированность. Особое внимание в рамках этого направления обращается на выявление различного рода отношений, возникающих между эпитафией и главным текстом. Иной способ описания эпитафии восходит к идее «чужого слова», сформулированной в 20-е годы XX века М.М. Бахтиным [4]. Эпитафия рассматривается на широком фоне однотипных явлений и описывается, как одна из разновидностей интертекстуальных феноменов. Именно на этот подход мы ориентируемся в ходе нашего исследования и в данной статье предпринимаем попытку проанализировать формы интертекста романа М.Ю. Лермонтова в романе В.К. Кантора «Крепость».

В качестве эпитафии к XXII главе «Русская рулетка» В.К. Кантор использует фрагмент из главы «Фаталист» романа «Герой нашего времени».

«– Вы счастливы в игре, – сказал я Вуличу...

– В первый раз отроду, – отвечал он, самодовольно улыбаясь, – это лучше банка или штосса.

– Зато немножко опаснее.

– А что? вы начали верить предопределению?

– Верю, только не понимаю теперь, отчего мне казалось, будто вы непременно должны нынче умереть...» [11, с. 243].

Одной из центральных проблем творчества М.Ю. Лермонтова исследователи признают проблему столкновения личности и социума. В ее постановке и решении писатель выступил прямым предшественником Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского. В.К. Кантор, собирая эпитафиями цитаты из «Героя нашего времени» и «Евгения Онегина», по-разному рассматривает проблему личности в процессе самопознания, развития, эволюции ее духовного мира. Писатель ставит целый ряд нравственно-философских проблем: может ли человек понять свое предназначение в жизни; свободен ли он в своих поступках или зависим от обязательств; что значат страсть, воля и рассудок, – проблемы, роднящие, на наш взгляд, героя В.К. Кантора Тимашева с лермонтовским «героем нашего времени».

В тексте романа ощутимы неявные отсылки к творчеству М.Ю. Лермонтова. Так, Илья Тимашев, Борис Кузьмин изображены как личности, которым характерно стремление к самоанализу, и В.К. Кантор подчас доверяет им свои мысли о человеке и судьбе. Но переключки между высказанными ими идеями и предшествующей литературой уходят настолько глубоко, что подчас трудно установить первоначальный источник цитирования. Напомним, что между классическими произведениями русской литературы существует тесная связь: и проблемно-тематическая, и текстуальная. Об этом точно писал Ю.М. Лотман в статье «“Пиковая дама” и тема карт и карточной игры в русской литературе начала XIX века». Он говорил о творческом диалоге между М.Ю. Лермонтовым и А.С. Пушкиным. На это обращали внимание также М.А. Александрова и Л.Ю. Большухин: «Традиционные для лермонтоведения параллели: персонажи Пушкина и Лермонтова задаются вопросом об иррациональном в жизни после карточной игры, что служит завязкой сюжета и философской интриги, оба героя наделены романтической внешностью, которая в «Пиковой даме» сопрягается еще предположением о «мефистофельской душе» Германна» [3]. Так что попытка автора «Крепости» воссоздать узнаваемые черты персонажей прошлого дополняет семантику эпиграфа. Илья Тимашев, «рассуждая, он поглядывал, ловя, какое впечатление производит <...> Илья уже не мог различить, как она на него смотрит, хотя и желал изо всех сил ей понравиться» [8, с. 53], «Лина поняла, что была полностью им очарована» [8, 56].

А. Вишевским был отмечен «титульный» для пушкинской повести мотив в рецепции М.Ю. Лермонтова – «три верные карты». «В “Фаталисте” описываются три эксперимента один за другим, и все они как будто утверждают наличие предопределения в гибели героя. Кажется, что предопределение существует, значит фатум, рок неизбежен; в мире господствуют законы железной необходимости, жестко ограничивающие свободу и волю каждого человека» [14]. Трижды Печорин испытывает судьбу, и трижды Тимашев, подобно своему литературному предшественнику, приближается к смерти, отпускает руки и «тут же снова хватается за перила»: «Это была

странная, но увлекательная игра. Вроде игры в русскую рулетку. Перила скрипели. Он позволял себе уже не сразу за них хвататься, а медлить, удерживаясь и сопротивляясь ветру ловкостью тела» [8, с. 403]. «Дыхание» Рока, его «поступь» он ощущает в житейском течении жизни, и погибает». Включаясь в диалог с М.Ю. Лермонтовым, автор романа привлекает классическое произведение, добиваясь объемного и многозначного звучания современных ему идей. Автор-повествователь не только «цитирует» текст предшественника, но и мыслит своего персонажа героем своего, нынешнего времени. Как говорил сам писатель в одном из интервью, он «словно “герой своего времени” – лицо современного общества» [8, 420].

Глава «Фаталист», в отличие от «Русской рулетки» В.К. Кантора, завершает роман положительным исходом. Читатель прощается с живым героем (о смерти Печорина становится известно в середине романа), утверждающим активное, действенное отношение к жизни. Если Онегин, с которым В.К. Кантор сопоставлял Тимашева в начале романа, шел от безверия к вере, то герой М.Ю. Лермонтова совершает обратный путь «от веры к безверию». Герой В.К. Кантора, живущий в современной эпохе, конечно, не идентичен героям классической литературы, и в нем проявляются иные черты характера. И умирает он иначе, чем Печорин: «Упаду – так упаду, – отрешенно подумал он. – Значит, за грехи наказание. Значит, я на этом свете не нужен. Если нужен, то вернусь» [8, с. 403].

В таких произведениях М.Ю. Лермонтова, как «Штоге» (1831), «Исповедь», «Испанцы» (1830–1831) ученые неоднократно отмечали влияние образа Мельмота Скитальца. Есть оно и в его романе. Известно, что М.Ю. Лермонтов видел в Скитальце пример вымысла «ужасного» и «уродливого», о чем рассуждал в варианте предисловия к «Герою нашего времени», сопоставляя его с Печориным [12, с. 327]. Мельмот, как типичный романтический герой, ищущий свой идеал и позже находящий его в лице Иммали, имел пошатнувшиеся моральные устои и был обречен на страдания. Схожая ситуация отражена и во взаимоотношениях Веры и Печорина. Печорин смог увидеть в Вере свой идеал («единственная женщина в мире, которую я

не в силах обмануть» [11, с. 175]), однако он скрывает истинные чувства и прекращает погоню за ней, убеждая себя в том, что причина его слёз – «пустой желудок» [11, с. 235]. В аналогичной ситуации находится и Тимашев: «Можно подвести итог, думал он. Две женские жизни я испоганил. Одну навсегда, другую, в сущности, тоже» [8, с. 465]

Сложность внутреннего мира Тимашева напоминает отдельные черты и Печорина, и Мельмота Скитальца с их выражением мироощущения эпохи. Таким образом, избранный В.К. Кантором эпиграф из романа М.Ю. Лермонтова выполняет характерологическую функцию, проводя параллель между Печоринным и Тимашевым как типичными представителями своего времени, а также имеет подтекстовый смысл, выражая отношение автора к таким понятиям, как «рок» и «судьба». Лермонтовский «слой» романа В.К. Кантора «Крепость» вступает в сложное взаимодействие с иными паратекстуальными элементами этого текста, представляющими большой интерес для исследователей. Однако эта тема требует специального исследования.

Литература

1. Андрущенко Е. Люди думающие – пришельцы? / Е. Андрущенко // Дружба народов. – 2006. – № 6. – С. 69-79. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2006/6/and14.html>
2. Арнольд И.В. Проблемы интертекстуальности / И.В. Арнольд // Вестник СПб-го ун-та. – № 23. Сер. 2. История, языкознание, литературоведение. – 1992. – Вып. 4. – С. 53-60.
3. Александрова М.А. «Пиковая Дама» в перцепции Лермонтова (Фаталист) [Электронный ресурс] / М.А. Александрова, Л.Ю. Большухин // Новый филологический вестник. – 2010. – №4. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/pikovaya-dama-v-retseptsii-lermontova-fatalist>
4. Бахтин М.М. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве / М.М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М.: Худож. лит., 1975. – С. 6-71.
5. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В.С. Виноградов – М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.

6. Виноградов В.В. Стиль «Пикової дами» / В.В. Виноградов // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – Кн. 2. – С. 74-147.
7. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – М.: Наука, 1981. – 139 с.
8. Кантор В.К. Крепость. Роман [Текст] / В.К. Кантор. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 496 с.
9. Загидуллина Марина. Русское барокко конца XX века (творчество Владимира Кантора). Послесловие. Личностное прозрение / М. Загидуллина // В. Кантор. Крепость. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 466-494.
10. Кожина Н.А. Заглавия литературно-художественного текста: антология и поэтика: дис. на соискание ученой степени кандидата филологических наук: спец.: 10.01.08 – «Теория литературы» / Н.А. Кожина. – Москва, 1986. – 288 с.
11. Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени [Текст] / М.Ю. Лермонтов [авт. предисл. и сост. И.И. Мурзак]. – М.: РИПОЛ классик, 2013. – 256 с.
12. Лермонтовская энциклопедия / Гл. ред. В.А. Мануйлов. – М.: Советская энциклопедия, 1981. – 784 с.
13. Ремизова М. Астенический синдром: Образ интеллигента в современной прозе / М. Ремизова // Октябрь. – 2003. – № 3. – С.171-177.
14. Шкловский В.Б. О теории прозы / В.Б. Шкловский. М.: Советский писатель, 1983. – 383 с.
15. Этова О.В. История русской литературы X–XX веков / О.В. Этова. – М.: СГУ, 2004. – 150 с.

Анотація

К.І. Метоліди. Форми інтертексту роману «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова в романі В.К. Кантора «Крепость»

У статті досліджуються форми інтертексту роману «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова, виражені в паратекстуальних відносинах з приймаючим текстом роману В.К. Кантора «Крепость».

Автор використовує епіграфи до глав свого роману, відсилаючи тим самим читача до попередніх творів російської та світової класики. У ході аналізу вдалося виявити, що письменник встановлює між епіграфом з роману М.Ю. Лермонтова і текстом глави не тільки зовнішній зв'язок, передвіщуючи подієвий ряд або позначаючи ключовий момент сюжету, але і намічає глибинні світоглядні проблеми, підняті в попередніх творах і в

процесі їх рецепції. Подібне розуміння міжтекстових зв'язків дозволяє судити про внутріжанрову природу роману «Крепость»: вона відповідає основним критеріям екзистенціального роману. У ньому взаємодіють два пласти – публіцистичний, що висвітлює актуальні проблеми сучасності, і філософський, притчевий, звернений до проблем існування людини, її вибору, її духовної свободи.

Класичний текст, випереджаючи глави роману, розповідає про радянську дійсність, надає їм об'ємний зміст, висвітлює своїм авторитетом і тим особливим світлом, який обумовлений сприйняттям цього тексту протягом останніх двохсот років

Ключові слова: Інтертекст, паратекст, внутріжанровий, поліфонічний, аллюзія, ремінісценція, екзистенціальний роман, епіграф.

Анотация

Е.И. Метоліди. Формы интертекста романа «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова в романе В.К. Кантора «Крепость»

В статье исследуются формы интертекста романа «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова, выраженные в паратекстуальных отношениях с принимающим тестом романа В.К. Кантора «Крепость».

Автор использует эпиграфы к главам своего романа, отсылая тем самым читателя к предшествующим произведениям русской и мировой классики. В ходе анализа удалось выявить, что писатель устанавливает между эпиграфом из романа М.Ю. Лермонтова и текстом главы не только внешнюю связь, очерчивая событийный ряд или обозначая ключевой момент сюжета, но и намечает глубинные мировоззренческие проблемы, поднятые в предшествующих произведениях и в процессе их рецепции. Подобное понимание межтекстового взаимодействия позволяет судить о внутрияжанровой природе романа «Крепость»: она отвечает основному критерию экзистенциального романа. В нем взаимодействуют два пласта – публицистический, освещающий актуальные проблемы современности, и философский, притчевый, обращенный к проблемам существования человека, его выбора, его духовной свободы.

Классический текст, предворяя главы романа, повествующего о советской действительности, придает им объемный смысл, освещает своим авторитетом и тем особым светом, который обусловлен восприятием этого текста на протяжении последних двухсот лет

Ключевые слова: интертекст, паратекст, внутрияжанровий, полифонический, аллюзия, ремінісценція, екзистенціальний роман, епіграф.

Summary

E.I. Metolidy. Forms of intertextuality of M.U. Lermontov's novel "A Hero of Our Time" in V.K. Kantor's novel "Fortress"

The article investigates the intertextual forms of the novel "A Hero of Our Time" by M.U. Lermontov expressed in paratextual relations with the host novel "Fortress" by V.K. Kantor.

The author uses the epigraphs to the chapters of the novel, thus referring the reader to the previous works of Russian and world classics. The analysis identifies that the writer establishes between the epigraph of the M.U. Lermontov's novel and the chapter of his novel not only external connection, outlining the series of events, or highlighting the key elements of the plot, but also he identifies the underlying philosophical issues raised in previous works and during their reception. Such an understanding of intertextual interaction gives an indication of the nature of inner genre novel "Fortress": it meets the basic criteria of existential novel. It reveals the interaction of two layers – a publicistic one, highlighting the current problems of our time, and a philosophical or parable, reflecting the problems of human existence, of its choice, its spiritual freedom.

The text from the classical novel precedes the chapters of "Fortress", a novel that depicts a story of Soviet reality, gives them a sense of volume, highlights their authority and adds a special insight, which is determined by its perception during the past two hundred years,

Keywords: intertext, paratext, innergenre, polyphonic, allusion, reminiscence, existential novel, epigraph.

Інформація про автора

Метоліді Катерина Ігорівна – ORCID: 0000-0001-7398-2613; асистент Національного аерокосмічного університету ім. М.Є. Жуковського; аспірант кафедри світової літератури ХНПУ ім. Г.С. Сковороди; вул. Валентинівська, 2, м. Харків, 61168, Україна